

УДК 398:393(470.56)
ББК 82.3

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЗАПИСЯХ 1920-х ГОДОВ

БЭЛА АРСЕНОВНА ЛЕОНОВА

(Орловский государственный институт культуры: Российская Федерация, 302020,
г. Орел, ул. Лескова, д. 15)

***Аннотация.** Статья посвящена рукописному собранию текстов причитаний Малоархангельского уезда Орловской губернии, хранящемуся в фондах Орловского объединенного государственного музея И. С. Тургенева. Ценность этого собрания определяется практически полным отсутствием публикаций похоронно-поминальной причети Орловского края. Анализируемые записи сделаны в период, когда традиция похоронно-поминальных плачей еще не была утрачена и находилась в активном бытовании.*

На основе источниковедческих изысканий автора в статье освещается происхождение этих материалов, уточняются их атрибутивные параметры. Устанавливается связь плачей с эпизодами похоронного обряда. Рассматриваются наиболее характерные мотивы и образы орловской причети в контексте мифопоэтики похоронной обрядности. Выявляются некоторые локально специфические черты в разработке мотивов и образной системе текстов.

Статья вводит в научный оборот сведения о ранее неизвестном источнике для изучения плачей Центральной России и отчасти восполняет «белое пятно» на карте русской плачевой культуры, каковым сегодня предстает в научной литературе Орловский регион.

Ключевые слова: русские похоронные плачи, русская похоронно-поминальная обрядность, традиционная культура Орловского края.

Дата поступления статьи: 20 октября 2018 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Леонова Б. А. Похоронно-поминальные причитания Орловской губернии в записях 1920-х годов // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 1. С. 68–78.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.007

В фондах Орловского государственного объединенного литературного музея И. С. Тургенева (ОГЛИМТ) нами были обнаружены рукописные фиксации текстов орловской причети, сделанные в период так называемого золотого десятилетия отечественного краеведческого движения (1919–1929). Несмотря на то что записи выполнены непрофессиональными собирателями, они представляют значимый

исследовательский интерес. Во-первых, потому, что сведения о причитаниях, исполнявшихся на Орловщине, в целом весьма скудны. Их практически не найти в публикациях¹. Во-вторых, в 1920-х гг. традиция причитаний в исследовавшемся ареале оставалась еще весьма развитой, на что указывали сами собиратели.

Часть плачей, о которых пойдет речь в настоящей статье, была представлена

¹ Нам известен один опубликованный текст плача жены по мужу в записи 1957 г. [Масленникова 2011].

нами в учебном пособии, адресованном студентам, с целью восполнить отсутствие текстового материала по соответствующим разделам курса регионального фольклора [Леонова 2009]. Ни жанр, ни минимальный тираж этого издания не позволяют говорить, что оно полноценно выполняет задачу введения архивных записей в научный оборот. Такую работу еще предстоит проделать, и настоящая статья является ее частью.

Обратимся к характеристике изучаемых записей. Они представлены образцами, зафиксированными в основном в одном уезде на довольно компактной территории, что позволяет получить достаточно полное представление о локальном варианте традиции. Кроме того, тексты причитаний входят в единый документальный массив с выполненными там же и тогда же описаниями похоронно-поминальных обрядов и обычаев, что, разумеется, обогащает представления о контексте бытования причети.

Всего в рукописном собрании ОГЛМТ находится 13 ед. хр., в совокупности включающих 68 текстов причитаний. Большую часть составляют причитания, относящиеся к различным этапам похоронного обряда, несколько текстов — причитания, исполнявшиеся на кладбище в поминальные дни. Наряду с похоронно-поминальными, в этот документальный массив входят и образцы свадебной причети: три текста представляют собой свадебные причитания невесты-сироты и один — причитание матери, отдающей дочь замуж. Самые короткие тексты содержат всего 4 стиха, объем наиболее крупных составляет более 30 стихов.

Особо следует сказать об авторстве записей. Они выполнялись учениками выпускных классов орловских школ, очевидно, в соответствии с некой единой программой. Программы полевого изучения народной культуры в эпоху «золотого десятилетия» отвечали новым принципам

организации школьного образования, согласно которым краеведение должно было играть роль организующего начала для освоения всех учебных дисциплин. При составлении подобных программ педагоги на местах ориентировались на методические материалы общегосударственного значения, например, работы М.Я. Феноменова [Феноменов 1925]. На Орловщине нашлись энергичные энтузиасты, которые в 1920-х гг. не только сами вели активную собирательскую работу в области региональной фольклористики, но и внедряли это направление в школьное краеведение. Полагаем, что малоархангельские записи поступили в музей от одного из наиболее известных собирателей и организаторов краеведческой работы, в том числе школьной, — Владимира Федоровича Лебедева² (о его деятельности по исследованию народной культуры нам уже приходилось писать ранее [Леонова 2017]). Но передача интересующих нас материалов в ОГЛМТ состоялась лишь в 1950-х гг.

Все записи сделаны в Орловской губернии. При этом практически все, для которых указано более точное место фиксации, относятся к Малоархангельскому уезду (за исключением одного текста, отнесенного к с. Плещеево Орловского уезда). В большинстве случаев указана только волость — Каляевская, Некрасовская, Куракинская. Это наводит на предположение, что в такие подборки могли быть объединены записи из разных населенных пунктов в пределах одной волости. В то же время речь идет о довольно компактном ареале, поскольку Каляевская и Некрасовская волости были сформированы на бывшей территории волости Куракинской. Данное обстоятельство позволило нам уточнить и даты отдельных записей. Так, Каляевская и Некрасовская волости просуществовали лишь с января 1919 г. по февраль 1923 г., а значит, помеченные данными топонимами записи

² Лебедев Владимир Федорович (1888–?) родился в Орле в семье учителя. Окончил Императорский Московский университет. Совмещал интерес к естественным наукам и народной культуре. После революции внес заметный вклад в музейное строительство. В 1920 г. основал Орловский естественно-исторический музей при Доме крестьянина. В 1925–1928 гг. возглавлял музей при городском отделе народного образования и в этом качестве стал координатором всех направлений полевой краеведческой работы образовательных учреждений Орловщины. Собственные исследования В.Ф. Лебедева в этот период в основном касались вопросов народной культуры. К экспедиционной работе Владимир Федорович привлекал и школьников

сделаны в этот промежуток времени. В целом же сопоставление с историей административного деления Орловщины позволяет утверждать, что все тексты должны были фиксироваться в период с 1919 по 1929 г. Неслучайно, конечно, этот хронологический рубеж совпадает с началом печально известного «разгрома краеведения», в полной мере захватившего и Орловщину, надолго подавив историко-культурное направление в региональных исследованиях.

По нашему мнению, несмотря на неполноту паспортных данных многих документов, в целом интересующий нас массив включает преимущественно материал Малоархангельского уезда. Об этом свидетельствуют как приведенные выше «зацепки» в атрибуции, так и то существенное обстоятельство, что концепция комплектования ОГЛМТ всегда в первую очередь предполагала сбор материала, связанного с меморируемыми именами. Записи малоархангельского фольклора такую связь предполагают, поскольку в этом уезде родился, много работал и оставил богатое собрание местного фольклора один из основоположников русской полевой фольклористики Павел Иванович Якушкин. В ОГЛМТ давно существует персональный фонд П.И. Якушкина и много лет действовала посвященная ему постоянная экспозиция. Отметим, что, хотя темой данной статьи являются плачи, в том же музейном фонде хранятся и записи других жанров, датированные тем же периодом, также сделанные школьниками, многие с указанием на Малоархангельский уезд. Полагаем, что для В.Ф. Лебедева, с которым мы связываем происхождение этих материалов, они объединялись тематически как «фольклор якушкинских мест» и поэтому должны были найти свое место в литературном музее. Это более чем вероятно, если учесть, что В.Ф. Лебедев известен и как исследователь «фольклора тургеневских мест», чему посвящен ряд его рукописных работ, хранящихся в ОГЛМТ вместе с копиями собственных фольклорных записей краеведа.

Для текстов плачей лишь в одном документе указан конкретный населенный пункт Малоархангельского уезда как место записи — д. Миловка. Еще два поселения названы в документах, содержащих только описание похоронных обрядов

без текстов причети: д. Егорьево Куракинской волости, с. Преображенское Некрасовской волости. Но поскольку речь идет о едином массиве материалов, собиравшихся в рамках обследования отдельного уезда по общей программе, высока вероятность, что с. Преображенское и д. Егорьево также входили в число мест, где были зафиксированы те плачи, для которых точное место записи не указано. К тому же д. Миловка, согласно картам того времени, располагалась в непосредственной близости от с. Преображенского и д. Егорьево. Дополнительно отметим: по статданным на 1927 г. в каждом из указанных населенных пунктов, в отличие от многих соседствующих, существовала школа 1-й ступени, что может быть связано со специфически школьным характером собирательской работы, породившей изучаемые документы. Возможно, сельские школы привлекались к содействию в организации собирательских работ.

В заголовках и комментариях самих собирателей использованы разные наименования жанра: *плач, причитания, причеты, заплачки* и даже *похоронные песни*. При этом термины *причитание, плач* и *заплачка* могут использоваться в одном документе как синонимы. Встречаются также разные наименования процесса оплакивания, исполнения причети: *плакать, плакать с причитаниями, плакать в голос*.

Интересно, что в записях из ОГЛМТ нет упоминаний о наемных или вообще специально приглашавшихся плачев. В одном из описаний похоронного обряда автор особо подчеркивает: «*Выдающихся воплениц у нас нет, как это водится в других местах <...>*» (Орловская губ. Соб. Латышев. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44640]. Какие места подразумеваются под другими, остается непроясненным: возможно, собиратель здесь сравнивает свой материал с известными на тот момент публикациями о северорусской плачевой традиции, а возможно, с другими местностями собственной губернии или уезда. По крайней мере, в Словаре орловских говоров, составлявшемся уже в конце XX в., отмечен обычай приглашения на похороны *плакальниц*, и один из приводимых примеров как раз малоархангельский [Словарь орловских говоров 1998, 105].

В качестве исполнительниц плачей упоминаются только женщины, прежде всего ближайшие родственницы покойного (мать, дочь, жена, сестра). Но в описаниях обряда говорится, что в оплакивании принимали участие и другие родственницы, а также соседки и знакомые, приходившие проститься с покойным. В период пребывания тела умершего в доме, как отмечают собиратели, причитания усиливались каждый раз с приходом новых визитеров, которые нередко присоединялись к оплакиванию.

В одном из описаний есть любопытный пассаж, позволяющий предполагать, что плачи могли исполняться разными женщинами одновременно: «<...> за покойником идет вопленицы, причитая каждая по-своему» (Орловская губ. Соб. Латышев. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44640].

В некоторых комментариях заостряется внимание на том, что, даже исполняя плач вне обрядовой ситуации, плачущая порой переживала сильное эмоциональное погружение в пережитое: «<...> заплачек можно бы было собрать гораздо больше, но плачей старухи, когда начнут сказывать, то расстраиваются и начинают плакать, естественно вспоминая милые образы родных» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44571].

Существенным является вопрос об обстоятельствах записи. В ряде случаев собиратели оставили указания на то, что тексты не были зафиксированы во время похорон, а воспроизводились исполнителями по памяти. Такие же обстоятельства исполнения можно предполагать и в тех случаях, когда в одном и том же документе совмещены отдельные тексты причитаний, относящихся явно к разным похоронам. Однако в некоторых подборках тексты причитаний следуют друг за другом согласно последовательности эпизодов обряда и явно эксплицируют отдельно взятые конкретные похороны. Степень привязанности к конкретному событию определяется наличием в его содержании каких-либо индивидуализирующих элементов — имен собственных, указаний на связь между исполнителем и адресатом/адресатами (живыми и умершими), указаний на время похорон, например: «Вынесли-то тебя, моя жалкая доченька, из твоего тепла гнезда на улицу-то на широкую, на снега-то на белые, на глубокие,

на морозы-то на лютые» (Орловская губ. Соб. В. Крылов. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44646]. О подобных записях нельзя с уверенностью сказать, в какой мере они связаны с прямыми наблюдениями собирателя над похоронным ритуалом и собственно оплакиванием. Как известно, в современной фольклористике вопрос о степени аутентичности причети, исполняемой вне обряда, является дискуссионным. Существует вполне обоснованное мнение, высказанное еще К. В. Чистовым, о том, что воспроизведенные по памяти плачи отличаются некой обезличенностью и клишированностью, поскольку «преднамеренное и искусственное создание “естественных” условий для записи похоронных причитаний практически невозможно» [Чистов 1993, 135–136]. Степень аутентичности для исполняемой вне обряда поминальной причети оценивается выше, так как такого рода тексты, в отличие от похоронных, бытуют как повторяемые и в меньшей степени связаны с импровизацией (см. об этом, например, у М. Д. Алексеевского [Алексеевский 2011]). При этом в фольклористике сложилась ситуация, при которой именно записи вне обряда являются преимущественным источником для изучения похоронных и поминальных плачей, так как подавляющее большинство имеющегося текстового материала получено именно таким образом. К нашим орловским образцам это относится в полной мере, поскольку они представляют собой уникальный для региона материал.

В одном из документов примеры причети прямо встроены в довольно подробное описание обрядовых действий. В других образцах место отдельного текста в структуре обряда зачастую обозначено в заголовке, предпосланном собирателем: «*Причитание при приезде священника*», «*Вынос покойника*», «*Когда муж только что умрет, жена плачет так*», «*Плач, когда умрет дочь у матери и есть умерший сын*» и т. п. Кроме того, многие заголовки выражают субъектно-объектные отношения: «*Причитание по матери замужней дочери*», «*Плач матери по сыновьям*», «*Плач, когда умрет дочь у матери и есть умерший сын*» и т. п.

Остановимся на сведениях о месте конкретных текстов в структуре похоронного обряда. В разных подборках орловских записей отразился разный состав

обрядовых ситуаций, сопровождающихся причитаниями. В совокупности последовательный перечень этапов оплакивания выглядит так: начинают оплакивать сразу после наступления смерти; причитают над омытым и облаченным телом, уложенным на лавку; причитают при положении в гроб; причитания возобновляются, когда в дом, где лежит покойный, входят родственники, соседи, знакомые (вновь прибывшие женщины могут присоединяться к оплакиванию); причитают утром в день похорон; при приходе в дом священника; причитают при выносе гроба из дома; по дороге к церкви; на кладбище при прощании с покойным и во время погребения; при возвращении в дом покойного участников похорон, пришедших на поминки; по окончании поминок, провозжая участников поминального застолья.

Для поминальной причети ситуации исполнения выявляются следующие: на сороковины в доме покойного перед началом поминальной трапезы; на кладбище на могиле в календарные дни поминовения. Конкретная календарная веха указана лишь для одного текста — «*под Троицу*». Во всех других записях говорится о календарных днях поминовения в целом.

В самих текстах причети обнаруживаются некоторые очевидные переключки с компонентами похоронного обряда, в том числе местными. Выявлению таких связей содействует тот факт, что в том же документальном массиве, как указано выше, содержатся описания похоронно-поминальных обычаев и обрядов. Так, собиратели отмечали, что близкие всегда стремились проследить последние минуты умирающего: «<...> *больше всего стараются видеть, как умирает человек, принимая это за обычай*» (Орловская губ. Соб. Латышев. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44640]. В тексте одного из плачей по матери находим такой фрагмент: «<...> *застала бы я тебя, родиму матушку, во живости, сказала бы тебе словечко ласковое при твоём воздыхании последнем, поглядела бы я, как твоя душечка с белым телом расставалась, как с белым светом распрощалась*» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44571].

В причети из фондов ОГЛМТ есть тексты, исполнявшиеся в моменты, когда похоронная процессия останавливалась перед домом родственника покойного:

сестра обращается к брату перед его домом при похоронах матери; дочь оплакивает умершего, когда процессия подходит к ее собственному дому. Подобные остановки напротив домов родственников и близких, во время которых возобновлялось голошение, фиксировались нами и в современной похоронной практике орловских сёл.

Записи из собрания ОГЛМТ дают достаточно богатый материал для изучения их художественных особенностей и мифопоэтики. Рамки данной статьи не позволяют представить исчерпывающий анализ текстов в таком аспекте. Однако считаем необходимым выделить некоторые характеристики текстов, позволяющие как соотнести их с общерусским материалом, так и определить локально специфические черты.

В орловских плачах присутствуют основные тематические элементы, свойственные русской причети, такие, как сожаления об утрате, восхваление покойного, сетование на горькую долю покинутых родных и т.п. То же можно сказать о стилистических приемах. В то же время текстовый материал позволяет обратиться и к характерным для местной традиции особенностям разработки мотивов, содержания формульных конструкций, образной системы.

Отметим, что обращения к умершему в этих текстах по большей части прямые, с использованием постоянных эпитетов: «*сударыня моя матушка*», «*голубчик ты мой милый брат*», «*желанная моя дочечка*», «*милое болезное моё дитяtko*», «*кормилец ты наш батюшка*» и т.п. Иносказательные именованья использованы только в плачах по мужьям: «*милая моя душенька*» и «*милая моя друженька*».

Ряд мотивов, широко представленных в общенациональном репертуаре причети, выступает в качестве ведущих в наших текстах, воплощаясь в различных клишированных формах. Центральным, безусловно, остается мотив дороги, вообще воплощающий в похоронном обряде древнюю мифопоэтическую идею о путешествии в загробный мир (см. об этом, например, у В. А. Чистякова [Чистяков 1982]). Устойчивые эпитеты орловских плачей подчеркивают необратимость этого пути как в пространственном измерении (*дороженька невозвратная, невозвратимая,*

необоротимая), так и во временном (дорожка вечная). Необратимость смертного пути манифестируют также формулы невозможности новой встречи покойного с родными: *«последнее-то нам с тобой свидание, последнее-то расставание», «ждать-то мы тебя не дождёмся, звать-то мы тебя не дозовёмся»* и т.п.

В число высокочастотных клише входят сетования на ошибочность выбора смертной дороги усопшим. Формула содержит стереотипную мотивировку: эта дорога для старого и/или бессемейного человека. Например:

Пошёл ты, моя душенька,
не по той пути-дороженьки!
Не твоя-то бы эта путь-дороженька,
не твоя-то бы эта путь широкая;
эта путь-дороженька старому,
старому-древнему,
бесприютному, беспризорному!
(Орловская губ. Соб. В. Куканов. 1922 г.)
[ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44645].

Смысловое и композиционное единство с мотивом дороги очень часто составляет мотив *«думушки крепкой»* («вечковой», «неворотимой»). Обращаясь к покойному, плачущая сетует, что тот как бы самовольно и скрытно принял решение об уходе. Мотив может развиваться за счет характерных сослагательных конструкций, предполагающих *«разгадывание»* роковой думушки и/или *«откладывание»* смертной дороги: *«Накормила бы я тебя кусом сладким, раздумала бы я тебе эту думушку крепкую, отложила бы я тебе эту путь-дороженьку, авось бы ты, мой братец, послушал меня, не пошёл бы ты по этой пути-дороженьке»* (д. Миловка, Каляевская вол., Орловская губ. Соб. С. Парпёнов. Между 1919 и 1923 гг.) [ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44636].

Тема дороги развивается в плачах, сопровождающих покойного после выноса из дома. Здесь мы отмечаем некоторую локальную особенность: в причети повторяются картины несения покойного сродниками: *«Идёшь ты во церковь божию / не на своих резвых ноженьках, / несут-то тебя дорогие сроднички / на своих могучих плечах»* (Орловская губ. Соб. А. Латышев. 1920-е гг.) [ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44647]; *«Ходила ты на своих резвых ногах, / была то ты неуморчива и неустойчива, /*

а теперь-то тебя понесли добры людюшки на своих ли могучих плечах» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44571]. Между тем в исследовательской литературе обращалось внимание на то, что в северных плачах о **несении** покойного говорится редко. Так, В. А. Чистяков связывал это с широкой распространенностью обычая **везти** гроб на кладбище и предполагал также, что описание самостоятельной езды умершего передает некое качество активности, свойственное образу покойного в плачах [Чистяков 1982]. В наших текстах о поездке или о перевозе не упоминается ни разу (несмотря на то, что в ходе похорон гроб именно везут). Напротив, многократно повторяется картина **несения** тела, которая к тому же встраивается в характерную высокочастотную антитезу: при жизни умерший ходил на своих резвых ногах — ныне его несут сродники на могучих плечах.

Неподвижность оплакиваемого устойчиво интерпретируется как знак смерти в комплексе с незрячестью, немотой и бесчувствием: *«...сложила ты свои ручки белые на своей-то на белой груди, скрыла ты свои очи ясные, сожала ты свои уста сахарные. <...> скрепила ты своё ретиво сердце крепче-то ты камушка горячаго, не промолвишь, моя родимая матушка, со мною единого словечушка»* (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44644]. В орловских же плачах именно «неходячесть» выступает главным из упомянутых признаков и зачастую служит единственным маркером посмертных перемен.

Общерусский мотив гроба — *«новой горенки»* «безоконной, бездверной», которая *«темным-темнёнхонька»* и из которой *«не выходу не будет, не выгяду»*, — сопряжен в текстах из собрания ОГЛИМТ с описанием *постелюшки немяжкой, с изголовьищем невысоким, одеяльцем холодным*. При этом гроб-горенка оказывается как бы антитезой то и дело упоминаемому в причети *«широку двору»*. Постоянный эпитет «широкий» фиксирует здесь критерий противопоставления: закрытость, теснота гроба против простора двора. Двор выступает как граница оставляемого покойным домашнего мира: как известно, во дворе проходил один из обязательных эпизодов прощания с умершим непосредственно перед отбытием на кладбище;

призывая в плачах усопшего, ему предлагают снова вернуться к его «широку двору». Новая *постелюшка* противопоставляется другой постели, которую покойный якобы предпочитал при жизни («*любил ты на мягкой постели спати*»), но в то же время в плаче может высказываться предположение, что умерший сам отдал предпочтение гробовой постели: «*Знать-то тебе, моя родимая матушка, постелюшка-то эта показалася, показалася-то она, полюбилася*» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44568]. Этот элемент очевидно коррелирует с вышеуказанным представлением «невозвратной дороги» как собственного выбора покойного.

Особо остановимся на орнитоморфной образности плачей. Сравнения с птицами встречаются в наших текстах и применительно к умершим, и к живым участникам обряда: «*лебёдушка моя милая сестра*». В одном из текстов находим развернутое и очень выразительное сравнение самой плачущей с кукушкой: «*Осталась я, горькая, чисто в поле былинка, а в лесе пташечка да кукушечка. Кукует она порой-временем средь тёплого летичка, а я-то горькая, несчастная, не знаю ни поры, ни время, ни холодной зимы, не обрадуется моё сердце ни на малый час, ни во светлый день, и нахожусь-то я в великой досадушке*» (Куракинская вол., Малоархангельский уезд, Орловская губ. Соб. М. Крючкова. Между 1923 и 1928 гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44564]. Но наиболее выразителен в отношении орнитоморфной образности типичный плачевой мотив перевоплощения покойного. В текстах из собрания ОГЛМТ перевоплощение вообще предполагается исключительно в птиц. Это может быть белая *лебёдушка*, *сизый голубь/голубка*, *чёрный сокол* или просто *пташечка*. Мотив разрабатывается в связи с темой чаемого возвращения покойного в свой дом. С птичьей символикой соотносится и метафора дома — «*тепла гнезда*» — одна из наиболее частотных формул в малоархангельских записях. Эта метафора многократно воспроизводится в текстах как при наличии, так и в отсутствие собственно орнитоморфных образов: «*Съела-то нас грусть-тоска во своём-то тёплом гнёздышке. Прилети-ко ты, моя матушка, сизым ты голубем и белым ты лебедем, как-то бы тобой обрадовалась*»

(Орловская губ. Соб. В. Крылов. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44646]. С орнитоморфной символикой сопряжено также часто повторяющееся метафорическое выражение «*взять под правое крылышко*» в значении «взять под опеку, приграть»: «*<...> и собери-ко ты своих детушек в одну кучечку, в одно местечко — к себе под правое крылышко; начинай-ка ты их спрашивать про свой дом, хозяйство!*» (Орловская губ. Соб. В. Куканов. 1922 г.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44645].

Показательно, что птицы всегда изображаются летящими, и в большинстве случаев полет описывается как восходящее движение: «*<...> не поднимается ли вольна пташечка, вольная-то пташечка, сизая голубушка от матушки-то от сырой земли*» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44568]; «*Взлети-ко ты высоко от сизым-то голубем, а белым-то лебедем к нашему-то широку двору...*» (Орловская губ. Соб. В. Крылов. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44646]; «*<...> уж взвилась-то бы ты сизым голубем ко своему-то широку двору, ко своему-то теплу гнезду*» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44643]; «*<...> возвейся-ка ты сизым голубем, сизым голубем, чёрным соколом, — выше-то лесу тёмного, ко своему-то широку двору*» (Орловская губ. Соб. В. Куканов. 1922 г.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44645]. При этом речь всегда идет о возвращении домой. Таким образом, имплицитно формируется вертикальная пространственная модель, в которой из мира мертвых в мир живых приходится подниматься, «взвиваться».

Место пребывания покойного постоянно соотносится в плачах с могилой: «*...уж лежишь-то, моё милое дитятко, во матушке во сырой земле, не стосковалась, не сгрустовалась по мне*» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44643]. Это представление актуализировано прежде всего в поминальной причети. Связан с ним и мотив высматривания покойного. Плачущая повествует о своем желании определить, откуда следует ждать умершего, и выбирает направление, в котором того унесли, направление на кладбище: «*Шла-то я, горькая сиротинушка, шла-то я путями-дорожками, полем-то чистым, глядела-то я на все четыре сторонушки, глядела я не мигаючи, не мигаючи-то, не моргаючи, глядела-то я большие в одну*

сторонушку, а уж ко матушке-то ко божьей церкви, и ко матушке-то ко часовенке» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44568]. Церковь выступает в причети как своего рода «дорожный указатель» направления в мир мертвых (в то время как направление «ко своему широку двору» указывается в просьбах к покойному не покидать семью или в поминальных приглашениях посетить живых). В реалиях похоронного ритуала последнее посещение покойным храма происходит как бы на полпути между покинутым домом и кладбищем. В причети же плачая саму смертную дороженьку определяет как дорогу «*ко матушке ко божьей церкви, ко матушке ко часовенке, во матушку во сыру землю*».

В то же время в орловских плачах воплощен и другой вариант общерусских представлений о «том свете» — как некоем очень далеком крае, лежащем в неведомых землях за многими преградами. Такая горизонтальная пространственная модель прочитывается в формулах, описывающих предполагаемое общение с умершим: «...поглядели бы мы на тебя через тёмный лес, покричали бы мы тебе через быстру речку и рассказали бы мы тебе про своё житьё-бытьё...» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44568]; «*Уж милая ты моя доченька, уж поговорила бы я с тобой через горы-то крутые, через леса-то бы тёмные, через речушки-то через быстрые*» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44643].

Неоднократно встречаются в орловских записях распространенные в русской причети обращения к стихийным силам с просьбой пробудить и поднять из могилы покойного. Подобные эпизоды являются общими для похоронно-поминальных и свадебных сиротских причитаний. В качестве сил, способных пробудить умершего, в наших материалах выступают собственно стихии — *мать сыра земля, ветры буйные, туча грозная с частым дождичком* и т.п., объекты, символизирующие иномирное пространство смерти — *гробова доска, тонки белы полотна*, а также церковные служители (попы, дьячки, даже сторожа), которые должны разбить смертные оковы при помощи неких священнодействий. В качестве последних выступает в первую очередь *колокольный*

звон, в параллели с которым упоминаются чтение церковных книг и песнопения:

Голубчик ты мой милый братец,
Оседлай-ка ты коня неезженного,
Езжай-ка ты ко матушке божьей церкви,
Заставь-ка ты дьячка церковного,
Заставь-ка ты в колокола звонить.
Заставь-ка ты отца духовного книгу читать,
Заставь-ка ты его нараспев певать,
Заставь-ка моего кормилица-батюшку
позвать

На мою ли свадьбу горькую
(Орловская губ. 1920-е гг.)
[ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44571].

Приведенный пример — из сиротского свадебного причитания. Но церковное чтение и молитвы, колокольный звон символизируют также границу между жизнью и посмертием, которую преодолевает умерший в процессе похоронного ритуала. Здесь являет себя отмеченная исследователями семантика колокольного звона как маркера мира живых в противоположность загробному миру.

Еще одной силой, способной пробудить покойного, рисуются слезы:

Лебёдушка ты моя мила сестра,
подойди-ко ты к своей родимой матушке,
упади-ко ты к ней на белую грудь
и плачь-ка ты не разгадавай,
роняй-ка ты слёзы не жалеючи.
Не роняй-ка ты их на сыру землю,
а роняй-ка ты их к своей родимой матушке
на белу грудь,
не пройдут ли они к ней на ретиво сердце,
не раскроет ли она свои очи ясные,
не разожмёт ли она свои уста сахарные,
не размахнёт ли она свои белы руки,
не пожалеет ли она нас, горьких, несчастных,
при младости она нас, при глупости
(Орловская губ. 1920-е гг.)
[ОГЛМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44568].

Несколько орловских образцов включают важную для мифопоэтики похоронной обрядности тему встречи покойного с ранее умершими родственниками на том свете. Один из текстов, полностью посвященный разработке этой темы, озаглавлен в записи «*Послание поклона отцу с матерью*». В нем слезы представляются средством корреспондирования с загробным миром:

Родимая ты моя матушка,
пойдёшь ты путём дороженькам,
будут тебе встречаться твоё это милые
детушки

да моё то братцы милые,
а ещё то тебе встречашка встренится,
встретится тебе милая дружечка,
буду я <нрзб.> сказывать поклон,
наказывать родимому не на вербовом³
листу,

а на белой твоей груди,
буду то я тебе не чернилами писать,
а словом ласковым,
не пером то писать,
а горячими слезами
(Орловская губ. 1920-е гг.)
[ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44571].

Широко представлен в орловских плачах мотив застолья. При использовании стереотипных стилистических приемов разрабатывается он в четырех разных контекстах: 1) воспоминание плачи о гостевании/застолье с умершим при его жизни; 2) застолье-«беседушка» невеселое как часть похоронного обряда; 3) гостевание/застолье при чаемом возвращении умершего; 4) несостоявшееся застолье, которое могло бы изменить намерение покойного покинуть этот мир. Проиллюстрируем примерами все указанные версии:

1) *«Бывало ты, моя родимая матушка, пойду-то я к тебе во дороги гости, встретишь ты меня, родимая матушка, среди-то путь-дороженьки, среди-то улицы широкой, введёшь ты меня, родима, во свою нову горенку, сажаешь ты меня за свой дубовый стол и кормишь ты меня, родимая*

матушка, кусом сахарным, а поишь-то ты меня напиточком сладким, а уговариваешь ты меня словом ласковым» (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44644].

2) *«Завелись у нас пиры-беседушки невестёлые, стоят столы дубовы, накрыты-то они скатертями-то белыми. Ждём-то мы священника духовного, а дьячка-то церковного, скажут-то вечную память, разлучат они с родом-племенем»* (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44643].

3) *«Кормилец ты мой батюшка, пришёл бы ты во дорогие гости, встретила бы я тебя среди пути-дороженьки, брала ба я тебя за праву рученьку, вела бы во свою нову гореньку, поставила стол дубовый, постлала бы белу скатерть и поставила бы вкусы сахарны, и посадила бы я тебя за этот дубовый стол под светлое оконышко, против красного солнышка»* (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44644].

4) *«Голубчик ты мой милый брат, <...> взял бы ты её за праву руку и посадил бы ты её за дубовый стол, напоил бы ты, накормил её и раздумал бы ты эту ей думушку, и разгадал бы ты ей эту крепкую»* (Орловская губ. 1920-е гг.) [ОГЛИМТ. Ф. 139. Ед. хр. 44568].

В заключение подчеркнем, что, несмотря на многие недостатки записей орловских плачей из фондов ОГЛИМТ, вызванные непрофессионализмом собирателей, эти материалы существенно обогащают источниковую базу исследований региональной традиции и, думается, могут расширить представления о русской похоронно-поминальной причети в целом.

Источники и материалы

Леонова 2009 — Леонова Б. А. «Дороженька невозвратная...»: Мир смерти в традиционной культуре орловских крестьян: Учеб. пос. Орел, 2009.

Масленникова 2011 — Масленникова Р. А. Живое слово: Хрестоматия (региональный курс). Орел, 2011.

ОГЛИМТ — Орловский государственный объединенный литературный музей И. С. Тургенева.

Словарь орловских говоров. Т. 9. Орел, 1998.

Феноменов 1925 — Феноменов М. Я. Изучение быта деревни в школе: (Исследовательская

краеведческая работа по обществоведению). М., 1925.

Исследования

Алексеевский 2011 — Алексеевский М. Д. Проблемы фиксации похоронно-поминальной плачевой традиции (К. Д. Чистов и вопрос об аутентичности записей причитаний) // Фольклор и этнография: К 90-летию со дня рождения К. Д. Чистова: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская. СПб., 2011. С. 243–250.

Леонова 2017 — Леонова Б. А. В. Ф. Лебедев — исследователь народной культуры в Орловской

³ Искаженное от «гербовый» по отношению к бумаге.

губернии 1920-х годов // Матер. XVI Междунар. Санкт-Петербургских этнографических чтений «Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию революции 1917 г. в России)». СПб., 2017. С. 373–378.

Харитонова 1986 — *Харитонова В. И.* Полесская традиция причитания на восточнославянском фоне // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 55–62.

Чистов 1993 — *Чистов К. Д.* Исполнитель фольклора и его текст // От мифа к литературе: Сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М., 1993. С. 91–100.

Чистяков 1982 — *Чистяков В. А.* Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 114–126.

© Б. А. Леонова, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонова Б. А. <https://orcid.org/0000-0001-9047-6608>

Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Орловского государственного института культуры: Российская Федерация, 302020, г. Орел, ул. Лескова, д. 15; тел.: + 7 (48622) 41-61-91; e-mail: ogiik.nhk@mail.ru

---

FUNERAL COMMEMORATION IN THE OREL PROVINCE IN DOCUMENTS OF THE 1920s

BELA A. LEONOVA

(Orel State Institute of Culture: 15, Leskov str., Orel, 302020, Russian Federation)

Summary. *The article is devoted to the manuscript collection of lamentation texts from the Maloarkhangel'sky uезд of the Orel Province that are stored in the I. S. Turgenev Orel Combined State Museum. The collection is of particular value due to the almost complete lack of publications about funerary lamentations from the Orel Region. The analyzed texts were recorded during a period when the tradition of funeral and memorial lamentations was not yet lost but was actively practiced.*

On the basis of the author's research on sources, the article highlights the origin of these materials and clarifies their attributive parameters. A connection is established between the lamentations and parts of the funeral ceremony. The most characteristic motifs and images of the Orel lamentations are considered within the context of the mythopoetics of funerary ritual. Several locally specific features in the development of the texts' motif and imagery system are identified.

Key words: Russian funeral laments, funerary and memorial rites, Orel Region.

Received: October 20, 2018.

Date of publication: March 25, 2019.

For citation: Leonova B. F. Funeral commemoration in the Orel Province in documents of the 1920s. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 68–78. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.007

References

Alekseevsky M. D. (2011) Problemy fiksatsii pokhoronno-pominal'noy plachevoy traditsii (K. D. Chistov i vopros ob autentichnosti zapisey prichitaniy) [Problems of documentation of the tradition of funerary and memorial lamentation (K. D. Chistov and the issue of the authenticity of records of lamentations)]. In: Fol'klor i etnografiya: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya K. D. Chistova [Folklore and ethnography: For the 90th anniversary of K. D. Chistov's birth]. Coll. of schol. articles. St. Petersburg. Pp. 243–250. In Russian.

Leonova B. A. (2017) V. F. Lebedev — issledovatel' narodnoy kul'tury v Orlovskoy gubernii 1920-kh godov [V. F. Lebedev, researcher of folk culture in the Orel Province of the 1920s]. In: Etnokul'turnyye protsessy v mnogonatsional'nom gosudarstve (k 100-letiyu revolyutsii 1917 g. v Rossii) [Ethnocultural processes in a multinational state (for the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917)]. Proc. of the XVI Intern. St. Petersburg Ethnogr. Readings. St. Petersburg. Pp. 373–378. In Russian.

Kharitonova V. (1986) Poles'skaya traditsiya prichitaniya na vostochnoslavyskom fone [The Polesye tradition of lamentations in the East Slavic context]. In: Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Dukhovnaya kul'tura Poles'ya na obshch斯拉vianskom fone [Slavic and Balkan folklore. The spiritual culture of Polesye in the pan-Slavic context]. Moscow. Pp. 55–62. In Russian.

Chistov K. D. (1993) Iсполnitel' fol'klora i ego tekst [A performer of folklore and his text]. In: Ot mifa k literature [From myth to literature]. Coll. in honor of the 75th anniversary of E. M. Meletinsky]. Moscow. Pp. 91–100. In Russian.

Chistyakov V. A. (1982) Predstavleniya o dorozhe v zagrobnnyy mir v russkikh pokhoronnykh prichitaniyakh XIX–XX vv. [Ideas about the road to the afterlife in Russian funeral lamentations of the 19th–20th centuries]. In: Obryady i obryadovyy fol'klor [Rites and ritual folklore]. Moscow. Pp. 114–126. In Russian.

© B. A. Leonova, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Bela A. Leonova <https://orcid.org/0000-0001-9047-6608>

E-mail: ogjik.nhk@mail.ru

Tel.: + 7 (48622) 41-61-91

15, Leskov str., Orel, 302020, Russian Federation

PhD in Philology, Head of the Department of Theory and History of Artistic Folk Culture, Orel State Institute of Culture

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)